

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Чжан Чун

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 19 мая 2022 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, касающиеся характеристики роли социальных медиа в организации государственных переворотов. Сделан акцент на особенностях влияния социальных медиа на политическую нестабильность. Проанализированы стратегии, применяемые для развития модели пропаганды в социальных медиа с целью инициации государственных переворотов, в том числе стратегии компьютерной пропагандистской модели, которая лежит в основе рассматриваемых медианеворотов.

Ключевые слова: государственный переворот, медиа, политика, политическая нестабильность, социальные медиа, социальные сети.

Abstract: the article deals with issues related to the characterization of the role of social media in organizing coups d'état. Emphasis is placed on the features of the influence of social media on political instability. The strategies used to develop the propaganda model in social media in order to initiate coups d'état, including the strategy of the computer propaganda model, which underlies the considered media coups, are analyzed.

Keywords: coup d'état, media, politics, political instability, social media, social networks.

В нынешних условиях усиливаются споры и актуализируются научные дискуссии касательно влияния социальных медиа на политическую нестабильность, инициацию государственных переворотов. Такой повышенный интерес может быть оправдан одновременным ростом политической нестабильности в ряде стран и нарастающей революцией информационных и коммуникационных технологий, в том числе социальных сетей, которая разрушила географические барьеры общения и обмена информацией между людьми. Как отмечают А. В. Соколов, А. В. Палагичева, в недавних исследованиях утверждается, что социальные медиа могут широко влиять на политическую стабильность. Но вопрос о том, могут ли социальные медиа способствовать политической стабильности, остается актуальным [1, 297].

Ряд авторов утверждает, что социальные медиа способны предоставить протестующим мощные, быстрые и относительно недорогие инструменты для вербовки, сбора средств, распространения информации, коллективного обсуждения и мобилизации для коллективных действий [2, 97]. С другой стороны, скептики преуменьшают важность социальных медиа. Приверженцы этой точки зрения утверждают, что использование Интернета и новых информационных и коммуникационных технологий создает у людей ложное ощущение участия в политической жизни и мешает им физически протестовать [2, 97]. Эти расхождения во взглядах указывают на то, что влияние социальных медиа на политическую неста-

бильность может зависеть от разных факторов, таких как уровень демократии и качество управления.

В условиях современности политика постправды преодолела границы и достигла весьма широких масштабов. На континентах распространяется систематическая политика дезинформации и пропаганды, типичная для конфликтов низкой интенсивности. Это приобретает вид иррегулярной войны или гибридного конфликта, развитие которого носит не только военный, но и экономический, психологический и пропагандистский характер. Помимо прессы и телевидения, манипулирование информацией достигло Интернета и социальных медиа, а кибератаки — среди других стратегий — являются частью логики конфронтации.

Социальные медиа могут по-разному влиять на политическую нестабильность в зависимости от того, является ли страна развитой или развивающейся. Такая возможность возникает из-за того, что развивающиеся страны, как правило, характеризуются слабой демократией и относительно более плохим управлением. Современными исследователями проводится сравнительный анализ, чтобы увидеть, сильнее ли влияние социальных медиа на политическую нестабильность в развивающихся странах, чем в развитых странах.

Интернет и цифровые платформы, такие как Facebook или Twitter, стали ареной идеологических споров и борьбы, где слухи, мистификации, ложь становятся важным компонентом, способствующим в том числе и государственным переворотам. Фейковые новости всегда были центральным элементом политической коммуникации. Теперь в цифровых обществах эта ложь также распространяется еще

быстрее. Часто фальшивые новости узакониваются гражданским авторством и прямой риторикой. В то же время сегодня ценность информации вызывает больше вопросов, чем когда-либо. Как отмечают А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров, алгоритмы и фильтры, созданные в рамках социальных медиа, предлагают пользователям то, что они хотят, и, следовательно, вызывают больше доверия к этим цифровым платформам, чем к контенту, публикуемому в традиционных СМИ [3, 76]. Все это указывает на то, что традиционная медиасистема меняется.

В контексте глобальной коммуникации необходимо задуматься о работе традиционных и социальных медиа, чтобы задать вопрос, поддерживают ли они мирное разрешение локальных конфликтов или, наоборот, легитимизируют и усиливают — через стратегии пропаганды — процессы переворота и региональные или местные интервенции.

Во-первых, современными авторами рассматривается концепция медиапереворота в контексте системы социальных медиа. С этой целью анализируется роль медиа и, в частности, социальных сетей в феномене «медийных переворотов».

Во-вторых, диалектика между глобальной коммуникацией и локальными вмешательствами исследуется посредством анализа соответствующих случаев манипуляции, дезинформации и пропаганды.

Имея дело со стратегиями манипулирования, пропаганды и дезинформации в социальных медиа и цифровой среде, необходимо проводить предварительный контекстуальный анализ культурных и политических рамок, в которых возникают эти явления. По замечанию А. А. Балаяна, Л. В. Томина, речь идет о структуре рассматриваемой информационной системы; мотивах и идеологических интересах крупных информационных корпораций и лобби; функционировании политических систем и взаимодействии между различными субъектами (политическими партиями, организациями и общественными движениями); отношении граждан с институциональной, политической и экономической властью; формах организации и участия граждан, а также других вопросах, таких как искажение прозрачности политической системы, — все это элементы, которые могут сыграть фундаментальную роль в анализе государственных переворотов с вовлечением социальных медиа [4, 17]. Учитывая большую сложность этих явлений, необходимо задать вопрос, почему они возникают, как они работают и какое влияние оказывают на общество. В этом смысле необходимо иметь в виду место и историко-политический момент, в котором происходит медийный переворот. Это особенно уместно, если цель состоит в том, чтобы вникнуть как в причины его появления, так и в образ действий и последствия.

Следует отметить, что государственные перевороты с использованием социальных медиа носят идеологический, а также географический характер.

Существуют тысячи фан-страниц Facebook, Instagram, веб-сайтов, блогов и учетных записей Twitter, распространяющих фальшивые новости, слухи или мистификации, в дополнение к тысячам видеороликов на YouTube, отредактированных коллективами, участниками или сторонниками медиапереворотов. Однако благодаря научной литературе и записям, найденным в Интернете (традиционные новости, газетные новости или более рудиментарные материалы, такие как сообщения в блогах), стало возможным провести анализ основных видов использования социальных медиа. Качественный эмпирический анализ практик пропаганды и манипулирования позволяет понять действие медиапереворотов посредством изучения риторико-дискурсивных стратегий.

Понятие медиапереворота широко использовалось в последние десятилетия для обозначения таких конфликтов, как «грязная война» против Никарагуа; репрессии против народных движений в Колумбии; парламентский переворот против Фернандо Луго в Парагвае; судебное преследование Луиса Инасио Лулы да Силвы в Бразилии и Кристины Фернандес де Киршнер в Аргентине или фальшивый судебный процесс против Рафаэля Корреа в Эквадоре; импичмент против Дилмы Руссеф в Бразилии или манипулирование информацией против избранных правительств Боливии и Венесуэлы. Этот термин указывает на использование средствами социальных медиа действий в рамках стратегии нерегулярного вмешательства, осуществляемого экономической или политической элитой с целью восстановления гегемонии в регионе. Эта стратегия включает в себя идеологическую подготовку, доминирование и контроль над судебной властью и, что наиболее актуально в контексте данной темы, гегемонию и контроль над общественными СМИ и цифровыми сетями. В частности, эта битва за информацию в нынешнем виртуальном пространстве ведется в форме кибервойны, с использованием хакерских приемов и утечек, созданием фейковых новостей, распространением дезинформации и манипулированием в цифровых сетях. Медиапереворот, или «мягкий переворот», представляет собой явление, при котором используется политическая, экономическая, психологическая и военная сила, а также обращение к полиции и силам внутренней безопасности, чтобы предотвратить или обратить вспять любой процесс социальной трансформации, противоречащий гегемонистским или элитарным геополитическим интересам.

Глобализация социальных медиа, достигаемая и поддерживаемая за счет контроля, осуществляемого транснациональными медиалоббистами, допускает и поощряет вмешательства и интервенционизм, потому что они обеспечивают политическое освещение, соответствующее стратегическим установкам, которым следуют элиты, удерживающие власть. Отчасти это связано с концентрацией собственности и моно-

полией медиаиндустрии в регионе вкупе с доминированием в коммуникациях и массовой культуре, что вместе с технологическим лидерством в телекоммуникациях и военной промышленности удерживает мировую власть в руках немногих. В этом смысле при исследовании так называемых медиапереворотов необходимо учитывать гегемонистский контроль над социальными медиа и культурой.

Так, на протяжении десятилетий Соединенные Штаты Америки сохраняли гегемонистский контроль над средствами массовой информации, социальными медиа. Еще в 1988 г. американские исследователи обсуждали, как медиаиндустрия Соединенных Штатов продвигает модели поведения и ценности, направленные на поддержание и воспроизведение статус-кво внутри и за пределами границ страны [5, 143]. Модель пропаганды, предложенная исследователями, позволяет объяснить, как социальные медиа работали в Латинской Америке в качестве средств передачи сообщений, ценностей и символов, соответствующих стратегиям манипулирования информацией. Для того, чтобы проиллюстрировать уместность такого теоретико-методологического вклада в отношении государственных переворотов с вовлечением социальных медиа, ниже представлены стратегии, применяемые для развития модели пропаганды.

1. Гегемония и контроль над коммуникациями в регионе. Прямая или косвенная слежка предлагалась в качестве логики вмешательства социальных медиа в политические процессы в Латинской Америке с целью гарантии защиты и безопасности ценностей Соединенных Штатов. Эта слежка реализуется за счет контроля медиакомпаний и лобби, а также за счет использования ботов, троллей, контент-ферм, шпионского ПО и других хакерских приемов.

2. Новая медиакультура в сфере политической коммуникации и пропаганды имеет основополагающее значение для развития военных конфликтов в ряде стран, в том числе в странах третьего мира в целом, а также для внутреннего укрепления нелиберальной коммуникационной модели и политики.

3. «Военная колонизация» общественного мнения путем убеждения и предполагаемой коммунистической угрозы, чтобы гарантировать поддержку общественным мнением последующих войн низкой интенсивности.

Из официальных учетных записей противников правительства в социальных медиа, от политических представителей до обычных граждан, которые создали профили, используются многочисленные риторико-дискурсивные приемы для переноса пространства возможностей для государственных переворотов на виртуальную сцену. Ниже приведены некоторые из стратегий компьютерной пропагандистской модели, которая лежит в основе рассматриваемых медиапереворотов.

1. Демонизация. Это дискурсивная стратегия, которая стремится изолировать противников, не по-

зволяя им защищаться, объявляя их морально неполноценными и отрицая их основные права.

2. Радикализация. Благодаря этой стратегии элементы речи оппонентов вырываются из контекста, чтобы преувеличить и криминализировать их точки зрения.

3. Противостояние «мы»/«они». Эта конфронтация увековечивает воинственную логику сторон, которая отражает оппозицию, происходящую в офлайне.

4. Карикатуризация. Через гротескные представления, искажающие образ президентов, а также других членов правительства, обосновывается их квалификация как «диктаторов», «опасных», «сумасшедших» или «преступников».

5. Фейковые новости. Производство мистификаций, слухов и широко распространенной дезинформации имеет целью дестабилизировать и изолировать правительство.

6. Сенсационность и зрелищность. Точно так же, как и средства массовой информации, социальные медиа тиражируют сенсации, превращая анекдоты, например, в хештеги, которые упрощают информацию.

7. Отсутствие источников. «Новости» публикуются в социальных медиа без указания авторства, без ссылок, которые могли бы гарантировать ее достоверность.

8. Использование идеологически ориентированного языка на лексико-семантическом уровне.

9. Поляризация в пользу крайних позиций. Это достигается за счет использования воинственного и конфликтного языка, усиливающего страх и панику среди населения [7, 22].

Следует также отметить, что взаимоподдерживаемые и подпитываемые крупными конгломератами социальные медиа в руках оппозиции или групп, связанных с интересами других государств, способствуют большому беспорядку, а не диалогу и урегулированию конфликтов.

Хотя цифровые платформы стали пространством восстания и борьбы против доминирующих голосов граждан, элиты также начали использовать эти платформы в своих интересах, и, по замечанию К. М. Крымовой, можно наблюдать следующую динамику:

1. Наличие ботов, троллей и попыток взлома. Манипуляции, а также использование шпионского ПО стали распространенными стратегиями в ходе избирательных кампаний. Например, на выборах 2017 г. в штате Мехико удалось обнаружить, что 17% сообщений в поддержку Альфредо дель Мазо поступили с аккаунтов, расположенных за границей.

2. Фейковые новости и слухи. Среди тех, которые следует выделить, — создание ложных заявлений, публикация ложных опросов, придумывание вопросов, связанных с кандидатами или общественными деятелями, манипулирование программными элементами, мошенничество с идентификацией, публикация твитов, ложно приписываемых известным иностранным деятелям в поддержку определенных политиков и кандидатами, выдумка политических мер, предпо-

ложительно предложенных этими кандидатами, распространение ложной информации об избирательном законодательстве. Все эти стратегии могут быть реализованы через социальные медиа и учетные записи.

3. Как правило, веб-сайты и аккаунты, распространяющие дезинформацию, не имеют контактного раздела и не предоставляют никакой информации об авторстве текстов. Также имеет место дискурсивная поляризация между реальностью процесса милитаризации и неизбежного насилия, навязанного элитами и государственным аппаратом через обычные СМИ и социальные сети, и реальностью, выражаемой гражданами на улицах, в альтернативных социальных сетях и на цифровых платформах.

4. Соккрытие соответствующей информации, особенно в случаях коррупции, где замешаны политики, чтобы общественное мнение не могло оказать сопротивления в какой-либо форме [8, 44].

Размышления о коммуникации во время, отмеченное асимметричными конфликтами и нерегулярными войнами, несомненно представляет собой вызов для исследований в области информации и коммуникации.

Таким образом, проблематика политической нестабильности характеризуется безусловной актуальностью. Весьма важно принимать во внимание ту роль, которую играют социальные медиа как политический инструмент, как средство коммуникации и как средство влияния на массы. Также важно принимать во внимание роль социальных медиа в событиях государственного переворота. В ряде стран политическая нестабильность сопровождается в частности вооруженными конфликтами, государственными переворотами и гражданскими беспорядками. Для купирования подобных явлений требуется углубленная диагностика их причин. Революция информационных и коммуникационных технологий последних десятилетий привлекла внимание к влиянию этих технологий на политическую нестабильность. Но дискуссия далека от завершения.

Данное исследование было сосредоточено на влиянии социальных медиа на политическую нестабильность, инициацию государственных переворотов. В нынешних условиях необходимо способствовать эффективно регулированию традиционных и цифровых медиасистем, поскольку обе они лежат в основе гармоничного сосуществования и мира, а их демократическое функционирование является одним из ключей к прекращению или предотвращению новых медианеустойчивостей. Весьма важно, чтобы граждане, политические и общественные деятели эффективно использовали социальные медиа и не позволяли заговорщикам использовать их для управления вос-

приятием, манипулирования и дезориентации масс.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А. В. Социальные медиа в политической мобилизации и демобилизации граждан в современной России / А. В. Соколов, А. В. Палагичева // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума.— Симферополь, 2021.— С. 296–301.

2. Попович Д. А. Специфика освещения социальных протестов в латиноамериканских медиа / Д. А. Попович // Art of science. Материалы Всероссийской гуманитарной научно-практической конференции.— Пермь, 2021.— С. 96–107.

3. Ахременко А. С. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных / А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров // Полис. Политические исследования.— 2020.— № 2.— С. 73–91.

4. Балаян А. А. Влияние Интернета и социальных медиа на процессы демократизации, динамику массовых протестов и трансформацию политических акторов / А. А. Балаян, Л. В. Томин // Феномен глобализации и проблемы социокультурного многообразия в современном мире. Сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции.— Чебоксары, 2017.— С. 15–21.

5. Мельник Г. С. Тактические медиа как протестный ресурс / Г. С. Мельник // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов.— 2017.— № 2 (11).— С. 141–152.

6. Бродовская Е. В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа / Е. В. Бродовская и др. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.— 2017.— № 5 (141).— С. 79–104.

7. Дмитриев С. С. Цифровая мобилизация: новые механизмы и возможности политического управления / С. С. Дмитриев // Управленческое консультирование.— 2021.— № 2 (146).— С. 18–25.

8. Крымова К. М. Роль платформ социальных медиа в цифровизации политического протеста / К. М. Крымова // Государство, власть, управление и право. Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции.— М., 2022.— С. 43–44.

9. Корепанова Я. А. Воздействие социальных сетей на трансформацию поведения политической оппозиции / Я. А. Корепанова // Государство, право, политика и экономика в условиях цифровой трансформации. Сборник докладов I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции.— Ростов-на-Дону, 2022.— С. 242–246.

10. Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан / А. А. Малькевич // Управленческое консультирование.— 2020.— № 1 (133).— С. 35–42.